

Р. Вормс

Общественный организм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Р11

Р11 **Р. Вормс**
Общественный организм / Р. Вормс – М.: Книга по Требованию, 2024. –
268 с.

ISBN 978-5-458-54748-2

ISBN 978-5-458-54748-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ предисловіи къ только-что вышедшему переводу „Соціологія“ Латурно (въ изданіи Ф. Павленкова), мы старались опредѣлять отношенія этнографіи къ обществовѣдѣнію, — вопросъ, которому посвящена самая книга французскаго изслѣдователя. Теперь попытаемся обрисовать, въ краткихъ словахъ, общее положеніе новой науки: на это вызываетъ насъ самое содержаніе работы другого французскаго ученаго, которая предлагается здѣсь вниманію читателя.

Какъ говорятъ всѣ, въ томъ числѣ и оба помянутые писателя, соціологія — наука новая, совсѣмъ юная. Да, совсѣмъ ребенокъ, если взять въ расчетъ, съ одной стороны, ея метрику, съ другой — хотя бы возрастъ „великаго старца“ Англіи ¹⁾. Самая возможность имѣть эту метрику показываетъ необычайную юность такого великаго и вѣковѣчнаго явленія, какъ цѣлая новая отрасль вѣдѣнія: мы не знаемъ науки, рожденіе которой можно бы праздновать годовщиной; дифференцированіе каждой системы знаній, ея выдѣленіе изъ хаоса всевозможныхъ понятій покрыто мракомъ, окутывающимъ появленіе на свѣтъ всякаго живого существа.

Конечно, это счастливое обстоятельство не увольняетъ насъ отъ мудраго правила — считать возрастъ всякаго организма не по годамъ, а по ребрамъ. Но у нашего ребенка врядъ-ли есть и ребра. По крайней мѣрѣ рожденные скептики задаютъ соціологамъ коварные вопросы: „Что такое прогрессъ, который вы такъ картинно и такъ противорѣчиво изображаете то въ формѣ круга, то въ видѣ спиралей и даже улитки? Что значатъ ваши законы, которые вы иногда рѣшаетесь даже представлять математическими формулами? А это таинственное „безсознательное“ и та туманная „личность“, которую вы то превозносите, то совсѣмъ устраняете? А этотъ альтруизмъ, чудодѣйственно порождаемый эгоизмомъ? Еще лучше: что такое *соціологическій фактъ*? Есть-ли это нераздѣльный плодъ общественныхъ силъ, или его можно разложить на труды отдѣльныхъ лицъ? Конкретное ли это, цѣльное явленіе, или лишь моментъ движенія силъ? Наконецъ, что такое само *общество*?“ Не мудрено, что теперь, когда два факультета (юридическій и словесный) спорятъ изъ-за соціологіи, а на нихъ косится естествовѣдѣніе, встрѣчаются даже такіе почтенные академики, какъ Ле-

¹⁾ Курсъ Конта, гдѣ появилось имя соціологіи, вышелъ въ 1830 г.; Гладстонъ родился въ 1809-мъ.

вассеръ, который открыто заявляетъ: „есть социальныя науки, но нѣтъ социальной науки; социологія—одно лишь слово“.

Смѣемъ думать, насъ не заподозрять въ отрицательномъ отношеніи къ новой наукѣ. За это, надѣмся, ручается вся наша ученая и общественная дѣятельность. Но мы всегда предостерегали, я не перестанемъ дѣлать это, отъ увлеченій, которыя возлагаютъ на нашу науку бремя не по ея, еще хрупкимъ, плечамъ: никто столько не вредить новому оружію, какъ тотъ, кто, въ излишнемъ усердіи, стрѣляетъ изъ него черезъ цѣль. Имѣя въ виду эти, на нашъ взглядъ, положительно необходимыя ограниченія, читатель соблюговолить увидѣть, что если мы начинаемъ за упокой, то кончимъ за здравіе.

Не станемъ упоминать о самомъ предметѣ юной науки. Съ этой стороны, всѣ отрасли знанія древни, какъ самъ демонъ, принявшій съ самаго начала обликъ мудраго змія. Да и эта мысль немногимъ моложе; но она поддерживается теперь однимъ правиломъ социологіи же, которое стремится подняться до степени закона: если, по крайней мѣрѣ во многомъ, усматриваютъ стремленіе человечества къ возврату на стезю первобытности, только въ совершенно новомъ видѣ, то естественно искать безформенныхъ зародышей всесторонняго мышленія въ томъ хаосѣ начальныхъ впечатлѣній, изъ котораго дифференцировался постепенно весь строй нашего знанія, картинно названный Лапарусомъ „наслоеніемъ представлений (Vorstellungsverdichtungen)“. Конечно, человѣкъ думалъ объ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ началъ жить обществами, т. е. до вавилонскаго столпотворенія. Быть можетъ, Лейбницъ, Смитъ, Лейбманъ и Массперо, открывшіе цѣлыя неподозрѣваемые міры для социологическихъ наблюденій, прочтутъ, среди іероглифовъ и клиншевъ на кирпичахъ, и имена чуть не допотопныхъ социологовъ. Во всякомъ случаѣ, никто не откажетъ въ этомъ почетномъ имени такимъ дѣдамъ нашей науки, какъ Аристотель, Макиавелъ и Монтескье.

Но то были лишь подготовители социологіи, хотя и въ высшей степени плодотворные: умѣя глубоко и остро *наблюдать*, они указали на самый предметъ новой отрасли знанія, предвозвѣстили ея истинный методъ. Эти гении не могли и думать о дѣйствительномъ объемѣ науки, настоящее содержаніе которой хранилось еще подъ завѣсой. Они брали лишь виѣшнюю, наглядную сторону дѣла, политическій и отчасти социальный строй, эту анатомію общества: понятие о „культурѣ“ возникло гораздо позже, лишь съ Вольтера, если не считать намековъ у Поливія, да богатого, но мимоходнаго замѣчанія Фр. Бэкона, которое прошло безслѣдно. А затѣмъ почти цѣлое столѣтіе исторія новой науки представляетъ бѣлый листъ. И это въ то время, когда совершались великія открытія въ безконечной дали небесныхъ пространствъ, въ міровыхъ безднахъ физическихъ и химическихъ силъ! Уже стало ходячею истиной, что ближайшее къ намъ всего медленнѣе поддается изученію: обращеніе земли вокругъ солнца, о которомъ размышляли уже древніе, открыто около 1530 г., а наше собственное кровообращеніе было замѣчено ровно сто лѣтъ спустя. А когда, еще вѣкомъ позже, стали, вслѣдъ за Монтескье, задумываться надъ общественными вопросами, пришлось отдать дань времени: повинувся могуществу поманутыхъ наукъ, въ особенности астрономіи и химіи, а также господству индивидуализма въ политической экономіи и разрушенію извѣстившихъ общественныхъ формъ, сюда внесли односторонній, узкій взглядъ, который можно назвать механическимъ и атомистическимъ.

Заслуга Ог. Конта, какъ отца социологіи, признана всѣми, не исключая его ярыхъ противниковъ. Но, какъ выразился американскій социологъ Смолъ, это — „герольдъ, а не оракулъ“ новой науки. Контъ далъ ей имя, указалъ методъ, довольно широко обозначилъ ея предметъ, — словомъ, предъявилъ міру новаго ребенка; но онъ не могъ поставить его на ноги, а тѣмъ менѣе — научить ходить. Увлеченія учениковъ, по обыкновенію развивавшихъ скорѣе ошибки учителя, чѣмъ его теорію, только подрывали довѣріе къ дѣлу новому и оттого всегда подозрительному для толпы рутинеровъ. И теперь не рѣдкость встрѣтить умниковъ, глумящихся надъ наукой, которая носитъ уродливое названіе и никакъ не можетъ опредѣлить даже своего предмета и метода. Словно это — новость! Словно изваніе „минералогія“ лучше „социологіи“. Словно сами естественники не смущаются при опредѣленіи вида, царства животнаго и растительнаго, даже органическаго и неорганическаго міра, самой жизни и смерти. А какія бури переживаютъ на нашихъ глазахъ биологія и астрономія, съ ихъ Бейсманами и Фаями!

Дѣла въ этихъ общихъ признакахъ, свойственныхъ всякому произведенію ~~человѣческаго~~ ума и нисколько не умаляющихъ его значенія. Бѣда въ томъ, что въ положительномъ знаніи, которое идетъ по проторенной колѣѣ, за вѣрными поводыремъ — научнымъ методомъ, тревоженія ведутъ лишь къ устраненію случайныхъ ошибокъ, а каждая новая работа служитъ къ надстройкѣ этажей величаваго зданія; социологія же, втеченіе уже двухъ поколѣній, не могла занять такой достойной позиціи. Но у кого поднимется рука, чтобы карать за это гениальнаго и, главное, всѣмъ необходимаго ребенка?

Вокругъ колыбели новаго Геркулеса кипѣли водовороты, и въ нее заплзали ядовитыя змѣи. Чего стояли такія тревоженія, какъ 1830, 1848 и 1871 года, и именно для него, потому что они полны обществннаго смысла: вѣдь, это — ~~возвѣстителю~~ новыхъ гостей на жизненномъ пиру, этихъ, такъ-называемыхъ, „чиновъ“ — третьяго, четвертаго, даже какого-то пятаго, не считая большей части челоѣчества вообще — женщинъ и дѣтей! А послѣдовавшія затѣмъ такія предести, какъ „вооруженный миръ“, промышленные „кризисы“, финансовыя „крахи“, колоніальныя „столкновенія“, такіе пережитки троглодитства, какъ челоѣконенавистничество, съ націонализмомъ и антисемитизмомъ во главѣ, и — „безработные, безработные“ безъ конца! Рядомъ — все растущія, кричащія вождѣнія челоѣчности, любви къ ближнему, къ мирному развитію, — эти чистые голоса свѣтлаго будущаго, которые исходятъ со всѣхъ концовъ, изо всѣхъ устъ, и несутся надъ грѣшною землею благоѣствомъ спасенія. Все это вызываетъ къ немедленному рѣшенію: страданія велики, чувствуются она нервною душой челоѣка „конца вѣка“ сильнѣе прежняго; а жизнь, съ ея телеграфами и желѣзными путями, несется порывисто, повинаясь міровому закону умноженія дѣйствія при сложности причинъ.

И вся эта оглушительная, сверкающая, хаотическая смѣсь массы противныхъ интересовъ — законный предметъ вѣдомства социологін. Сами враги, которые частью глумятся надъ нею, частью боятся ея, какъ новаго и самаго важнаго стража истины и справедливости, упрекаютъ ее: отчего она не даетъ всеразрѣшающихъ ~~своихъ~~ мудрости, всеисцѣляющихъ лекарствъ?... А откуда она возьметъ ~~нужно~~ Будьте благодарны за то, что ребенокъ полонъ любви къ людямъ, горитъ вѣрой въ знаніе, осянута надеждой на побѣду

надъ мракобѣсіемъ рутинеровъ, надъ страстями и пережитками троплодѣтства, надъ всемірнымъ страданіемъ!

Соціологъ бросается за помощьюъ къ старшимъ братьямъ: вѣдь, ребенокъ поднимается на плечахъ взрослыхъ, чтобы видѣть дальше. Обществовѣдѣніе—вѣнецъ и плодъ другихъ наукъ, можно сказать, всѣхъ наукъ: его предметъ, какъ самый сложный, соприкасается со всѣми остальными, простѣйшими предметами. Конечно, ближе всего къ нему и дороже всего—знанія, обнимающія самого человѣка, какъ существо общественное, нравственное. Но тутъ-то оказалось наименѣе пользы, вслѣдствіе несовершенства этого круга знаній. Соціологія была бы лишена всякаго будущаго, если бы, послѣ безплодныхъ витаній въ области теологіи и метафизики, не сошла на землю и сразу не пустила въ ней корни. Здѣсь же царствовало тогда обаяніе Возрожденія XIX вѣка, этого плода положительнаго знанія и примыкавшаго къ нему историческаго метода Нибура и Савиньи. „Курсъ“ Конта, это евангеліе позитивизма, издавшійся на полкахъ книгопродавцевъ лѣтъ 30, пошелъ въ ходъ; а вслѣдъ за тѣмъ возникъ и дарвинизмъ. Эволюціонная теорія быстро проникала во всѣ области знанія, не исключая богословія. Торжествующая наука о природѣ естественно вторглась и въ соціологію: и тогда она была въ правѣ говорить словами Молешота, одного изъ своихъ корифеевъ, воспытававшихъ общество, что „натуралисты—самые дѣятельные изслѣдователи общественнаго вопроса“ и что „его рѣшеніе—въ ихъ рукахъ“.

И явился именитый основатель соціологін, уже не какъ программы, а какъ дѣльной науки, съ своимъ методомъ и планомъ, съ своими выводами. *Соціальная Статика* Спенсера вышла въ 1850 году, *Основы Соціологін* начали издаваться съ 1876 года.

Спенсеръ, дѣйствительно, какъ дѣльный хозяинъ, устроилъ домъ, гдѣ можно жить. Онъ ввелъ въ соціологію методъ естествовѣдѣнія; самъ опытный натуралистъ, онъ основательно подводилъ подъ знаніе новой науки біологическія основы и облегчилъ дѣло своимъ преимущіемъ богатымъ подборомъ фактовъ (описательная соціологія) и многими блестящими обобщеніями; а главное, онъ строго провелъ и здѣсь тотъ знаменитый эволюціонизмъ, которому самъ столько послужилъ въ одно время съ Дарвиномъ и безъ котораго теперь немыслимо движеніе ни въ какой отрасли знанія. Отсюда обширность и прочность вліянія знаменитаго автора „Системы синтетической философіи“.

Но юная наука, жаждавшая жизни, не могла окопѣть на Спенсерѣ, который представляетъ только одну сторону дѣла и не свободенъ, въ свою очередь, отъ дани времени, какъ видно изъ его склонности къ индивидуализму или специфическому „либерализму“ той поры. Въ настоящее время лучшіе соціологи признаютъ, что его пристрастіе къ біологін страдаетъ исключительностью: его соціологія, говорятъ, чуть не кончается тамъ, гдѣ должно бы начинаться настоящее обществовѣдѣніе.

Бъ тому же со Спенсеромъ случилось то же, что случается обыкновенно съ вождями мысли. Его слѣдующіе послѣдователи понаписали груды плохихъ книгъ, пользуясь лишь внѣшнимъ механизмомъ его метода и обладая болѣе-менѣе запасомъ амбіціи, чѣмъ амуніціи. Притомъ возрождавшаяся манера блаженной памяти метафизиковъ—взять одну какой-нибудь виттикъ въ цѣлой машинѣ мірознанія или измыслить его, или даже сочинить новое сло-

вечко для давно извѣстной вещи — и подгонять сюда все бывшее, сущее и будущее: зато, молъ, „моя“ собственная „система!“ Наконецъ, сюда устремлялось умственное декадентство „конца вѣка“: не понявъ новаго смысла нѣкоторыхъ старыхъ терминовъ, оно радостно вопіяло о воскресеніи „субъективизма, личности“ и справляло шабашъ новаго романтизма, упиваясь на немъ до мистицизма.

Въ то же время за социологію хватались непризванными руками люди всевозможныхъ, часто отдаленныхъ, специальностей, которые не могли принести пользы своими сомнительными познаніями, а вносили смуту въ пониманіе и безъ того неустановленнаго дѣла: одинъ инженеръ сводилъ всю эволюцію обществъ къ дорогамъ да мостамъ! А тѣ, которые должны были служить ближайшими пособниками, въ особенности историки, или съ презрѣніемъ относились къ смѣлому новшеству, или не могли видѣть лѣса изъ-за дровъ, копаясь въ массы одолевавшаго ихъ сырого матеріала. Положеніе юной пауки, въ которой колебалось отъ произвола пришельцевъ все, начиная съ метода, кончая самымп рамками, становилось тяжело. Враги потирали руки: радовались даже просто лѣнныи умы, твердящіе — „по старому-то лучше!“ Мы уже не говоримъ о тѣхъ специфическихъ противникахъ, которые, съ прискорбіемъ и не безъ основанія, видятъ въ новой наукѣ какъ закланіе крошавыхъ переворотовъ, выгодныхъ для умѣющихъ удить въ мутной водѣ, такъ и орудіе самыхъ законныхъ реформъ, самыхъ благотворительныхъ Возрожденій...

Но юной наукѣ до того хочется пожить, что она начинаетъ даже задавать вопросъ—да существуетъ ли смерть, по крайней мѣрѣ для обществъ? ¹⁾ Во всякомъ случаѣ, она-то сама рѣшительно мечтаетъ не о кончинѣ, а о новомъ рожденіи. Руководясь ея же наставленіями и опытомъ, наблюдательные умы начинаютъ сознать, что не одна эта теорія жизни, но и самая жизнь цивилизованнаго человечества снова принимаетъ сѣвжій видъ, въ отпоръ легкой реакціи 70-хъ и особенно 80-хъ годовъ. Возможно, что *девяностые* годы нашего вѣка послужатъ если не началомъ, то преддверіемъ того новаго Возрожденія, которымъ будетъ ознаменовано начало XX столѣтія. Многое говоритъ за это. Геркулесовы столбы декадентства, въ которые уперлись люди мистико-метафизическихъ поползновеній, заставляютъ мысль отшатнуться назадъ; и этому отрезвленію способствуютъ новыи, изумительныи успѣхи положительнаго знанія. Политика столь же немнѣрно измѣняется и по содержанію, и по приѣмамъ, и по вѣдшему виду: проклятіемъ становятся такіа явленія, какъ война и макиавелистическая дипломатія, которыя вчера еще считались прирожденными силами исторіи и даже нравственными основами—въ смыслѣ кары небесной. А главное, ученые уже условились называть 1890 годъ „эрой господства *соціально-экономическаго* интереса“.

Послѣднее обстоятельство всего важнѣе для насъ. Новая наука связана съ нимъ непосредственно: это должно признать, какихъ бы мы ни были мнѣнй о сущности историческаго развитія. Въ этомъ смыслѣ, тотъ вихрь общественныхъ переворотовъ, который мы раньше записали въ расходъ, нужно поставить на приходъ новой наукѣ. И тутъ, конечно, крупную статью составить то всеобъемлющее жизненное движеніе, свя-

¹⁾ См. стр. 217—218 настоящей книги.

занное съ такъ называемымъ „четвертымъ сословіемъ“, которое естественно отражается и на теоріи: если теперь во всякихъ обсужденіяхъ изъ области политико-общественныхъ вопросовъ не обойти жгучаго спора между индивидуалистами и социалистами, то для социолога участие въ немъ обязательно. Мы и видимъ это на каждомъ шагѣ: читатель обратитъ вниманіе на любопытныя мысли, высказанныя въ предлагаемой книгѣ по поводу марксизма. Къ этой же сторонѣ дѣла слѣдуетъ отнести быстро распускающійся цвѣтъ цивилизаціи „конца вѣка“—филантропію или человѣчность въ самомъ широкомъ смыслѣ, эту непобѣдимую силу альтруизма, о самомъ существованіи которой вчера еще позволяли себѣ спорить теоретики. Все глубже захватывая жизнь, сплѣняя ее въ небывало-крѣпкое единство, она энергично выдвигаетъ социологію, становится ея надежною опорой. Въ Америкѣ только-что возникло новое симпатичное опредѣленіе нашей юной науки, напоминающее то море плодотворныхъ слезъ, ту великую сплу состраданія, въ которыхъ сокрыта тайна безсмертія Данта, Шекспира и Гоголя. Это—„философія человѣческаго счастья“¹⁾.

Необычайно быстрая и глубокая эволюція жизни немедленно отразилась на эволюціи теоріи. И здѣсь нашу юную науку можно рѣшительно поздравить съ праздникомъ. Теперь-то, наконецъ, двинулись по настоящему пути тѣ изъ наукъ, которыя должно считать ея сестрами и дѣйство которыхъ наиболѣе вредило ей. Пока гуманитарныя знанія, и въ особенности исторія, этотъ истинный родникъ общественнѣдѣнія, находились въ пеленкахъ, социологія постоянно стояла у края пропасти: ей ежеминутно предстояла опасность свалиться, поскользнувшись на извилистыхъ и тернистыхъ тропинкахъ, впасть въ знакомую бездну если не мистики, то метафизики всякаго сорта. Но теперь предаваться такимъ страхамъ было бы малодушіемъ или невѣжествомъ. Нравственныя науки уже стали на свои ноги: принявъ видъ положительнаго знанія, опираясь на истинно-научный, историко-сравнительный, методъ, воспринявъ плодотворный эволюціонизмъ, онѣ съ каждымъ днемъ, можно сказать, заваливаютъ социолога доброкачественнымъ и самымъ надлежащимъ матеріаломъ, а въ ближайшемъ будущемъ готовятъ ему такое богатое наслѣдіе, о которомъ трудно и помыслить. Укажемъ только на тѣ умственныя Америки, которыя вдругъ стали открываться передъ нашимъ очарованнымъ взоромъ, благодаря этнографіи, народной психологіи, языковѣдѣнію, сравнительному правовѣдѣнію, вообще, „фольклоризму“ или изученію народнаго творчества. Считаешь лишнимъ говорить о всѣмъ извѣстномъ—о той главной жатвѣ, которую доставляютъ социологіи ея ближайшія сестры, сами совсѣмъ помолодѣвшія науки историческая и экономическая: онѣ становятся, какъ давно подобало, ея душой, съ тѣхъ поръ какъ первая стала выдвигать культуру, а вторая отрѣшилась отъ душившихъ ее узъ правовѣрія „классической“ школы, индивидуализма.

Менѣе прямо, но не менѣе важно вліяніе, ндущее со стороны науки о природѣ. Послѣ указанныхъ попытокъ реакціи, когда частью проповѣдовалось схоластически-нестерпимое господство „духа“, частью выискивался „материализмъ“ тамъ, гдѣ о немъ не могло быть и рѣчи, естествознаніе, которое, послѣ Дарвина, уже не сворачивало съ научнаго пути,

¹⁾ *Small and Vincent: An introduction to the study of Sociology. New-York 1894, p. 82: «Sociology is the philosophy of human welfare».*

снова получило, въ глазахъ общества, прежній кредитъ. Мы думаемъ, что теперь оно даже выиграло противъ прежняго. Оно заслужило новую дань всеобщаго уваженія. Естествознаніе отказалось отъ крайнихъ увлеченій слишкомъ ревностныхъ учениковъ великаго англичанина, создававшихъ иногда собственную метафизику съ другого конца и готовыхъ, въ качествѣ непризванныхъ соціологовъ, погубить весь родъ человѣческой ради выдержки ложно-понятаго ученія. Оно покрылось небывалою славою величайшихъ открытій, ведущихъ и къ установленію самой положительной философіи необычайной глубины, и, главное, къ возвышенію счастья человѣчества. Въ особенности біологія снова захватываетъ всеобщее вниманіе: И опять она съ жаромъ берется за соціологическія задачи. Укажемъ только на поучительный споръ между еще не угасшимъ соратникомъ Мошотта, Бюхнеромъ, и новою звѣздой біологін, Вейсманомъ. Біологія, какъ увидимъ ниже, становится ближайшею родней соціологін среди наукъ о природѣ: недавно послѣднюю одинъ французскій ученый называлъ „дочерью біологін“.

Припомнимъ тѣ слова, въ которыхъ мы, въ другомъ мѣстѣ (въ „Научномъ Обзорѣнн“) выразили мысль, впрочемъ не нашу, а общеизвѣстную. „Повторимъ истину, которая не стала менѣе плодотворною оттого, что не въ первый разъ высказывается. Вторженіе біологовъ въ область соціологін благотвительно. Общественныя задачи самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ матеріальною культурой; а совершенствованіе этой культуры немыслимо безъ знанія природы и ея законовъ. Это особенно нужно имѣть въ виду теперь, когда земельный вопросъ выступилъ на первый планъ и въ жизни, и у социальныхъ преобразователей. Но и культура идеальная, это вѣдомство нравственныхъ наукъ, не можетъ быть постигнута научно безъ участія естествознанія. Извѣстна великая роль въ ней „пержитковъ“ (survivals); а они чѣмъ древнѣе, тѣмъ матеріальнѣе. Уже признано, что въ изученіи идеальной культуры нужно идти, прежде всего, путемъ психологін; а эта наука стала теперь *физиологическою*. Сверхъ того, неизмѣнна ожидающая соціологовъ польза отъ знакомства съ методами, благодаря которымъ естествознаніе такъ обогнало, въ послѣднее время, нравственныя науки. Намъ отраднo кончить словами такого авторитетнаго обществѣнѣда, какъ Гильдебрандтъ, который употребилъ ихъ въ своей ректорской рѣчи, въ грацкомъ университетѣ, не далѣе, какъ въ концѣ 1893 года. Въ этой глубокомысленной рѣчи „О задачахъ всеобщей исторіи развитія права и нравовъ“ сказано, между прочимъ: „Нужно воздерживаться отъ всякаго доктринерства, отъ всякаго *идеопоклонства*; нужно смотрѣть на вещи просто и естественно, видѣть ихъ, какъ онѣ есть на дѣлѣ. Тутъ умѣстна одна только самая безусловная, самая независимая и холодная фактичность. Прежде философія была связующимъ звеномъ между разными науками: теперь, когда мы стали относиться ко всему болѣе скептически и критически, когда мы стали болѣе зрѣлыми и требовательными во всемъ, что касается познанія, такимъ звеномъ можетъ служить только естествознаніе. Я разумѣю не его выводы, а его духъ, т. е. его способъ ставить вопросы, его научныя приемы“.

Прибавимъ, что уходъ за этимъ научнымъ духомъ имѣетъ теперь особое значеніе, — культурное, воспитательное: человѣчеству было бы вовсе не къ лицу перейти въ новый вѣкъ съ заплесневѣлыми чертами схоластики

и романтизма. Для социологии же значение этого духа очевидно. Подъ его влияниемъ, она именно только теперь принимаетъ обликъ науки. Про нее должно сказать то же, что говорятъ ученые про социально-экономическій интересъ: послѣднее десятилѣтіе — эпоха ея господства и процвѣтанія. Можно сказать, теперь только она предстаетъ міру съ ясными чертами, выходя изъ узкой колымбели, покидая стѣснительныя пеленки. За недостаткомъ мѣста, укажемъ бѣгло, по крайней мѣрѣ, на тѣ признаки возмужалости, которые должны заставить умолкнуть скептиковъ, подсмѣивавшихся надъ будущностью новой науки.

Въ девятидесятыхъ годахъ социологія, переставшая быть межеумкомъ по собственному строенію, перестала быть и безпріютнымъ скитальцемъ. Всюду заводятся ея курсы, частью при университетахъ, частью публичные во всевозможныхъ мѣстахъ и для самыхъ разнообразныхъ аудиторій. Мѣстами профессора сопридѣльныхъ наукъ обращаютъ свои кафедръ въ ея пропаганду, а иногда общества и даже правительства заводятъ для нея особыя кафедры; даже возникаютъ попытки устроить цѣлыя социологическіе факультеты, подъ разными наименованіями. Таковы: *Ecole des sciences sociales* при вольномъ университетѣ въ Брюсселѣ (съ 1890 г.), гдѣ читаетъ Греефъ; факультетъ социальныхъ наукъ въ Женевѣ, „департаментъ социологіи“ въ Чикаго (съ 1892 г.). Правильные курсы социологіи читаются уже при многихъ университетахъ Европы и особенно Америки, гдѣ недавно выработался и цѣлый рядъ учебниковъ для студентовъ, а также социологическихъ журналовъ.

Весьма важно, что въ исторіи социологіи наше десятилѣтіе отмечено выступленіемъ впередъ такихъ странъ, какъ Америка и Франція, столь богатыхъ опытомъ, энергіей талантовъ, даромъ популяризаціи и практичности. Благодаря такимъ горячимъ поборникамъ новаго дѣла, какъ авторъ предлагаемой книги, во Франціи оно принимаетъ почти нервный характеръ. Съ 1893 г. Вормсъ устроилъ въ Парижѣ *Institut de Sociologie*, который уже организовалъ три международныхъ съѣзда и выпускаетъ ихъ труды; самъ Вормсъ издаетъ 4-й годъ *Revue de Sociologie*. Онъ уже затѣваетъ устроить „социологическую лабораторію“ и неутомимо проповѣдуетъ мысль о превращеніи *Collège de France* въ такой же социологическій факультетъ, какъ департаментъ въ Чикаго. Вормсъ читаетъ и публичные курсы по социологіи, плодомъ которыхъ служатъ „*L'Organisme et la Société*“. Постоянные курсы открылись, за эти же годы, въ Бордо, гдѣ читаетъ видный социологъ Дюркгеймъ, въ Монпелье, Тулузѣ и Ліонѣ. Замѣтимъ кстати, что и у насъ, въ Гельсингфорсѣ, читаются курсы социологій выдающимся ученымъ, Вестермаркомъ, новое произведеніе котораго о происхожденіи брака удостоилось перевода на главные языки Европы.

Въ то же время кипѣло книжное производство. Множество именитыхъ, а больше молодыхъ, пробивающихся впередъ социологовъ всѣхъ странъ, отъ Россіи до Америки, спѣшили показаться на свѣтъ съ своими работами, нерѣдко превосходящая другъ у друга право первейства: уже не легко становится указывать, кому именно принадлежить созданіе той или другой свѣтлой мысли, даже того или другого термина¹⁾. Имена

¹⁾ Въ столь юной наукѣ, какъ социологія, термины рождаются быстро, по необходимости. Конечно, часто они неясны или уродливы. Отсюда особенныя трудности, съ которыми приходится бороться переводчику. Просимъ читателя обратить вниманіе на это.

Греефа, Тарда, Дюркгейма, Фулье, Гумпловича, Кидда, Новикова, Смола, Уорда, Мекензи и других социологов принадлежать нашему десятилѣтію; а за ними уже выдѣляются и многообѣщающія еще болѣе юныя силы. ¹⁾ А что вскорѣ дадутъ намъ цѣлыя „школы“ молодежи, уже ревностно работающей всюду при факультетахъ и кафедрахъ социологіи, число которыхъ будетъ расти съ каждымъ днемъ!

Правда, и раньше писалось не мало книгъ по этой части, но мы видѣли ихъ цѣну. Не то теперь. Наше десятилѣтіе отличается тутъ болѣе яркими признаками научной дѣльности. Выѣсто манеры метафизиковъ сплеча рѣшать всѣ загадки бытія однимъ краснымъ словечкомъ, замѣчается стремленіе къ добросовѣстной разработкѣ частныхъ вопросовъ, къ критикѣ матеріала, причемъ иногда поражаетъ другая крайность—слишняя скромность. Теперь социологу приходится уже менѣе завидовать своему собрату, естествоислуку, который обставленъ хорошими монографіями даже о рѣдкихъ мелочахъ и мало дифференцированныхъ явленіяхъ, тогда какъ онъ становится втупикъ даже при такихъ основныхъ вопросахъ своей науки, какъ государство и общество, родъ, порода и семья. Въ той же Франціи носятъ теперь, словно съ открытіемъ Америки, съ монографическимъ и статистическимъ методомъ Ле-Плэ.

Рядомъ съ этою конкретной или описательной социологіей, развивается отвлеченная, теоретическая сторона дѣла. Но это—уже приобрѣтеніе положительной философіи; и оно успѣло привести къ двумъ плодотворнымъ направленіямъ, какъ объяснимъ ниже. Здѣсь-то мы видимъ, что социологія уже стоитъ, съ отчетливымъ обликомъ, на отмежеванной себѣ территоріи. Если она еще не можетъ давать отвѣтовъ на многіе изъ запросовъ, которыми ее справедливо закидываютъ, зато она твердо указываетъ на свой научный методъ, который ведетъ къ истинѣ: она, кажется, уже рѣшила и основной, чуть не роковой для нея, вопросъ объ опытѣ въ общественно-дѣйствіи ²⁾. Она щеголяетъ уже довольно точными, хотя и не всегда удачными терминами,—знакъ, что наука завела собственное домохозяйство. Укажемъ лишь на одинъ изъ нихъ, касающійся именно ея большого мѣста, въ которое любили прежде тыкать перстами разные рутинеры, прикрывающіе свою умственную наготу фиговымъ листомъ схоластической „морали“. „Да, смѣло говорить юная наука: я неморальна (amoral), но не безирравственна (immoral). У меня своя мораль, повыше вашего бездушнаго индивидуализма и прихотей, освящаемыхъ именемъ свободы воли. У меня есть детерминизмъ, какъ во всякой наукѣ, но свой собственный, одинаково далекій какъ отъ фатализма, такъ и отъ капризовъ эгоизма. Да и вообще, я пользуюсь всѣми науками, на плечахъ которыхъ поднялась; но изъ ихъ наслѣдія, въ соединеніи съ моимъ особымъ опытомъ, я создаю собственные объясненія для чисто-общественныхъ явленій. Отчасти я даже чувствую подъ собой болѣе твердую почву, хотя мой предметъ менѣе конкретенъ, чѣмъ внѣшняя природа. Все дѣло въ родахъ явленія. А тутъ естествоислукъ мучится надъ неразрѣшимою тайной: опустится онъ, въ

¹⁾ Наша задача—обрисовать движеніе социологіи только на Западѣ. Касательно Россіи оно обстоятельно изложено въ трудахъ нашего социолога, С. Н. Южакова—«Социологическіе взгляды» и статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» за ноябрь и декабрь 1895 г.

²⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на любопытныя соображенія, въ этомъ смыслѣ, на стр. 210 предлагаемой книги.

поискахъ за началомъ жизни, въ бездну океана, въ пучину микробіоза, а микробіозъ самъ оказывается бездонною пропастью; и наконецъ мертвое, сливаясь съ живымъ, преграждаетъ путь его любознательности. А у меня есть исходный предѣлъ: мое начало — первая сообщество, т. е. сразу симбіозъ, эта основа безконечнаго начала альтруизма. И вотъ, передо мной развертывается великая, захватывающая духъ картина коопераціи разумныхъ существъ, въ широкомъ смыслѣ слова, этого родника человѣчности, любви, котораго не знаетъ низшій міръ ужасной борьбы за существованіе. Такова присущая новой наукѣ глубина состраданія, этотъ благородный плодъ широты взгляда, вытекающей изъ необычайной сложности наблюдаемыхъ ею явленій. Отсюда-то уже вырисовываются очертанія и соціологическаго „искусства“ или новой, истинной политики, т. е. та прикладная сторона соціологін, которая сопутствуетъ развитію каждой науки, такъ какъ наука создана на счастье человѣка.

Но главнымъ признакомъ возмужалости соціологін служить появленіе въ ней болѣе или менѣе отчетливыхъ направленій. Какъ жизнь немудра безъ разныхъ взглядовъ, кружковъ, сторонъ или партій, въ особенности въ средѣ общественной, такъ и теорія невозможна безъ разныхъ теченій и оттѣнковъ: только люди далекіе отъ науки, не постигающіе ея серьезности, скорбятъ обыкновенно о недостаточности мѣръ для водворенія порядка въ *respublica litterarum*. Незрѣлость науки сказывается лишь въ сумятицѣ капризныхъ мнѣній, этого плода разнузданнаго субъективизма или того самоуниженія, которое не стѣсняется никакими методами и фактами; но опредѣленія разумными основаніями научныя направленія — гордость знанія. Тутъ такая же разннца, какъ между предположеніями Гоголевскаго старосвѣтскаго помѣщика и научными гипотезами, которыя тоже кажутся пороками науки для людей, не привыкшихъ къ серьезному мышленію. Если зрѣніе не обманываетъ насъ въ томъ молодомъ, но уже густомъ лѣску, который мы стараемся разглядѣть здѣсь, передъ нами весьма любопытное явленіе разныхъ теченій въ юной наукѣ. Попытаемся указать на нихъ, попросивъ только извиненія у читателя, если намъ не вполне удастся соблюсти правило строгой точности, которое всегда считалось нами обязательнымъ въ научныхъ вопросахъ: таковъ ужъ предметъ, которому мы рѣшились посвятить, на этотъ разъ, нашу бесѣду.

Въ соціологін девятилѣтнихъ годовъ начинаютъ обнаруживаться два направленія, конечно еще не вполне сложившіяся, а главное — переплетающіяся между собой. Слѣдуя историческому методу, наименѣе ошибочному при опредѣленіи зародышей явленія, мы думаемъ, что каждое изъ нихъ служитъ естественною реакціей непосредственно предшествовавшему. Такъ какъ соціологія родилась подъ вліяніемъ естествознанія, и особенно биологіи, то сначала въ ней замѣчалось рабское слѣдованіе не только ихъ методу, но и ихъ выводамъ и планамъ. Отсюда нѣкоторая односторонность, неполнота и отчасти даже поверхностность у первыхъ соціологовъ. Съ развитіемъ дѣла, эти недостатки, конечно, почувствовались. А тутъ приспѣла реакція Возрожденію XIX вѣка въ общемъ мировоззрѣніи, что всегда отражается болѣе или менѣе не только на жизни людей, но и на всемъ строѣ наукъ. Законная потребность въ добавленіяхъ, въ устраненіи ошибокъ и въ расширеніи взгляда, вызванная внутреннимъ развитіемъ соціологін, естественно тянула, для своего выясненія, въ другую сторону,